

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8742

УДК 821.161.1+801.73

Т. А. Богумил

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Российская Федерация)*

tbogumil@mail.ru

Библейские сюжеты в сибирском тексте

Аннотация. В статье описаны и систематизированы библейские сюжеты, характерные для сибирского текста русской культуры. Освоение Сибири сопровождалось христианизацией ее автохтонов. Влияние церкви на становление местной литературной традиции было очень сильным. Региональная специфика Сибири (природа, история, этнос) повлияла на отбор библейских мотивов и сюжетов в произведении об этом пространстве. Компаративистский подход позволил выявить и хронологически упорядочить следующие парадигматичные для сибирского текста библейские сюжеты: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода, о блудном сыне. Связанные с Сибирью библейские сюжеты с течением времени подвергались инверсии, религиозная семантика вытеснялась иными темами. Ядро, объединяющее эти сюжеты и мотивы, — идея преображения (себя, другого человека, пространства). Гипотетически, у каждого сюжета есть свой период максимальной продуктивности, сменяемый спадом. Миссионерский сюжет и сюжет христологической инициации актуализировались в XVII в. и были продуктивны до конца XIX века. Сюжет поиска Беловодья, изоморфный исходу евреев из Египта, возник на излете XVIII в. и активно существовал до конца XX в. Мотив блудного сына был востребован в середине XIX в. в творчестве областников и, позднее, их наследников — младообластников и «деревенщиков». Процессы глобализации и информатизации, стирание пространственных и культурных границ постепенно делают этот сюжет неактуальным. Возможно расширение спектра библейских образов, мотивов и сюжетов за счет привлечения нового материала.

Ключевые слова: мотив, апостольский сюжет, инициация, Беловодье, исход из Египта, сюжет о блудном сыне

Об авторе: *Богумил Татьяна Александровна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Российская Федерация, 656031)

Дата поступления: 15.06.2020

Дата публикации: 30.10.2020

Для цитирования: Богумил Т. А. Библейские сюжеты в сибирском тексте // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 331–347. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8742

Сибирский текст является одним из локальных сверхтекстов русской, исконно христианской, литературы. Региональная специфика Сибири, обусловленная ее природными, историческими, этническими, социально-экономическими и прочими характеристиками, повлияла на отбор библейских мотивов и сюжетов в произведениях о Сибири. *Цель данного исследования* — описать и систематизировать сюжетно-образный пласт христианской культуры, актуальный для сибирского текста.

«Крещение явило Древней Руси и письменность, и литературу. <...> дало идеал и предопределило содержание русской литературы», — писал В. Н. Захаров [Захаров: 6]. Церковь выступала движущей силой колонизации Сибири, поэтому влияние ее на становление местной литературной традиции оказалось решающим. В первых сибирских произведениях — летописях и хронографах XVII в. — сформировался образ *Сибири-Эдема* [Анисимов: 51–53]; в Есиповской летописи (1636) возник сюжет об апостольской миссии похода Ермака, провиденциальная цель которого — не просто завоевать землю, но христианизировать ее население и приобщить к русской святости [Чмыхало: 108–110; Ромодановская: 97, 105–106, 120–123]. Параллельно в фольклоре зарождался сюжет о *Ермаке — раскаявшемся грешнике*. Образ Сибири как пространства ада, «мифологической страны мертвых» [Тюпа: 27] (холод, каторга, ссылка) впервые возник в другом прецедентном для сибирской словесности произведении — «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном» (XVII в.). Автобиографию глава старообрядческой оппозиции Аввакум Петров (1620–1682) строит по канону «христологической инициации» [Тюпа: 29]. В конце XVIII — начале XIX в. зародилась легенда о Беловодье, праведной земле на востоке Российской империи. Бегство староверов от власти «антихристового» государства уподоблено *исходу евреев из египетского плена* [Сморгунова]. В житетворчестве и произведениях областников (середина XIX в.) актуальным оказался сюжет о *блудном сыне*, реализующийся как возвращение интеллигента после обучения в столице на родину [Анисимов: 175].

Обозначенный круг сюжетов парадигматичен для всей совокупности произведений о Сибири. Корпус сочинений на сибирскую тему достаточно велик. Так, только за 100 лет, с 1800 по 1900 г., было опубликовано 778 художественных произведений по данной тематике [Сибирская тема...]. Понятно, что в настоящем обзоре охватить весь объем текстов не представляется возможным, поэтому в статье лишь намечены трансформации изначальных сюжетов в исторической перспективе.

Апостольский сюжет понимается здесь расширительно, как *миссионерский сюжет*, т. е. поведенческая стратегия, обусловленная стремлением выполнить поручение Христа: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» (Мф. 28:19). Закрепившись за сибирским локусом в летописаниях о деяниях Ермака, мотив апостольского служения продолжал активно функционировать в церковной литературе вплоть до XIX столетия. В мемуарах православного духовенства неохватные и всем избыточные сибирские просторы одолевает тем не менее «глад неслышания Божия» [Инок Парфений: 152]. Согласно наблюдениям С. Ф. Мельниковой, в XIX в. именно Сибирь «открывала пространство для духовного подвига», где миссионер «активно преображает действительность, проповедуя Слово Божье». В результате, к примеру, автобиография преосв. Вениамина (Благодравова; 1825–1892) тяготеет к канону святительского жития, где архиепископ выступает как миссионер и креститель бурят, храмостроитель и чудотворец с Божьей помощью [Мельникова: 71–73].

Радикальное переосмысление этот сюжет, ставший к тому времени традиционным для сибирского текста, получил в повести Н. С. Лескова «На краю света» (1875), написанной после знакомства писателя с записками и устными рассказами Нила (Исаковича; 1799–1847), архиепископа Иркутского, впоследствии Ярославского [Лесков: 618–619]. Архиепископ Лескова вспоминает о своей юности: будучи епископом в отдаленной сибирской епархии, он рьяно выполнял свой долг, чувствуя духовное превосходство над некрещеными инородцами. Испытания, выпавшие на его долю, когда он чуть не погиб

в якутской снежной пустыне и спасся только благодаря самоотверженной и бескорыстной помощи «самоеда», заставили его многое переосмыслить. Епископ понял, почему отец Кириак отказался от крещения «скорохватом» [Лесков: 470]: ведь, действительно, «Божие дело своей ходой без суеты идет» [Лесков: 474], иной «нехристь», не осознавая того, ведет себя как подлинный святой, а наспех крещеный — как негодяй. Ибо «есть великая тайна врожденной веры, которая как бесценный редкий дар дается простой душе человека» [Дулова]. Блуждание по якутской земле, по мнению Н. В. Дуловой, содержит аллюзию на сорокалетнее скитание израильтян по пустыне. Вот только епископ соотносится отнюдь не с пророком Моисеем: «...это испытание его веры, его духовной стойкости, его любви к человеку, его миссионерских идей» [Дулова]. В результате в якуте ему «открылся святой лик человека, перевернувшего его представления о церковных догмах» [Дулова]. Так миссионерская деятельность меняет точку своего приложения: от аборигена к самому проповеднику. Апостольский сюжет формализованного крещения «огнем и мечом», а также водкой, подкупом, etc. возвращается в подлинно христианскую систему координат, где главная заповедь — любовь к Богу, себе и ближнему.

Следует отметить, что трансформации, произошедшие в повести Н. С. Лескова с апостольским сюжетом, вызваны не только жизненным опытом прототипа главного героя, но и литературной традицией, восходящей к концепции «естественного человека» Ж.-Ж. Руссо. В творчестве русских романтиков дикарь перевоплотился в невинное «дитя природы». «Туземца могли упрекать за поедание тухлой рыбы, дурное обращение с женой и умерщвление престарелых родителей, но его нельзя было не похвалить за простоту, великодушие и терпение. Подобное сочетание презренного и прекрасного стало каноническим в начале века и оставалось общепринятым более ста лет» [Слэзкин: 100]. Собственно, этот канон и реализовался в произведении Лескова.

Эквивалентом церковного миссионерского мотива в светской литературе XIX века был, как видится, просветительский мотив «влияния политического ссыльного на юного героя-

сибиряка», актуализированный жизнью и творчеством пред-областников и областников [Анисимов: 187–190]. Очередной пик использования сюжета просветительского типа пришелся на 1920–1950-е гг. В революционном романе-эпопее Вс. В. Иванова, В. Я. Шишкова, К. Ф. Седых, Г. М. Маркова и др. «преобразовывались и “дикость” аборигенов, и непросвещенность переселенческого крестьянства, и классовая несправедливость прежнего социального устройства» [Рыбальченко]. Акцент смещается в литературе «оттепели»: с непросвещенного социума на докультурное пространство, требующее окультуривания. Архаичная основа романа об освоении Сибири как процессе космотворения была востребована до 1970-х гг. [Рыбальченко].

Фольклорный сюжет о Ермаке — *раскаявшемся грешнике*¹, по замечанию К. В. Анисимова, оказался более продуктивным в светской литературной традиции, нежели летописный сюжет о Ермаке — христианском герое. В ряде исторических песен поход Ермака выполняет искупительную функцию. Зародившись в XVI столетии, представление о Сибири, преобразующей человека, просуществовало века [Анисимов: 67]. В литературе данный вариант сюжета о Ермаке попал через посредничество Н. М. Карамзина, который в IX томе «Истории государства Российского» (1821) «придерживался версии <...> о разбойничестве Ермака и искуплении им своей вины победой над Кучумом» [Анисимов: 80]. Историк завершает свой рассказ рассуждениями о ссылке, где «наказание преступника высылкой его в Сибирь становится <...> повседневным вариантом эволюции героя (преступление — раскаяние — возрождение), которую когда-то в качестве первого и потому уникального случая реализовал со своими дружинниками Ермак» [Анисимов: 82].

В филологии впервые обозначил эту литературную традицию Ю. М. Лотман. Согласно его наблюдениям, в ряде произведений русской классической литературы Сибирь, место ссылки и каторги, предстает как пространство «гражданской смерти» и последующего духовного возрождения. Сюжетное звено «преступление (подлинное или мнимое) — ссылка в Сибирь — воскресение» является вариантом схемы «смерть —

ад — воскресение» [Лотман: 723–725]. Идеи Ю. М. Лотмана развил и уточнил В. И. Тюпа: «Это вообще отнюдь не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но скорее богоугодное место временной смерти: *лиминальный* (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [Тюпа: 28]. Истоки концептуализации Сибири как лиминальной фазы архаичного сюжета инициации лежат в «Житии» протопопа Аввакума. Окончательно прикрепление сюжета инициации к пространству Сибири произошло благодаря повторению контуров «христологической инициации» [Тюпа: 29] главы старообрядцев в жизни декабристов. В 30–50-е гг. XIX века сибирская беллетристика активно эксплуатировала романтический сюжет о духовном возрождении через кризис посредством благотворного влияния сибирской среды: «...в общении с девственной природой, с наивными и добрыми туземцами, в уединенных раздумьях о смысле жизни озлобленный на весь мир человек постепенно “оттаивает” и как бы “воскресает”» [Спиридонова: 139–140]. Наличие инвариантной для сибирского текста сюжетной схемы характерно и для «вершинных» произведений русской реалистической словесности — например, дилогии Н. А. Некрасова «Русские женщины», творчества Ф. М. Достоевского («Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание»), романа Л. Н. Толстого «Воскресение», рассказа А. П. Чехова «В ссылке» и др. [Тюпа; Габдуллина; Шатин, 2016].

Вновь образ Сибири-каторги актуализировался в «лагерной прозе» 1950–1970-х гг., но сюжет инициации претерпел существенные изменения. По наблюдениям Т. Л. Рыбальченко, в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба», Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», А. Битова «Пушкинский дом», Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака», в «колымских рассказах» В. Шаламова преобразования человека не происходит: «лагерная проза редуцировала христианскую мифологию воскресения, духовного возрождения» [Рыбальченко].

В литературе постмодернизма авторы «играют» традиционным образом Сибири (рай / ад) и сюжетом преобразования (пространства / человека). Так, в «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» концептуалиста Д. Пригова

Сибирь является локусом пародийно нагнетаемых смертельных испытаний. Финальным этапом инициации становится трансформация тела Алексеева (протезы вместо ног). Из Сибири начинается триумфальный путь преображенного героя на Запад. В Берлине он посмертно канонизируется и замещается статуей «Воину-освободителю». Пригов демонстрирует превращение тела в текст, а человека — в знак. Концептуалист обнаруживает аналог подобной текстопорождающей стратегии в традиционалистской культуре: «Повесть...» строится аналогично средневековому житийному канону. Подобно древнерусской культуре, где пространство обладало религиозно-моральным значением, в соцреалистическом романе сохраняется социально-политическая семиотика географии. Наложение древнерусской и соцреалистической поэтики в пределах произведения Д. Пригова превращает Сибирь в текст-палимпсест.

Как видим, связанные с Сибирью библейские сюжеты с течением времени подвергались инверсии, теряли свою религиозную семантику: она вытеснялась социальными, политическими, психологическими и другими темами. Ядро, позволяющее объединять эти сюжеты и мотивы, — идея преображения (себя, другого человека, пространства), что, впрочем, и есть функция любого мотива [Силантьев: 15]. Гипотетически, у каждого сюжета есть свой период максимальной продуктивности, сменяемый спадом. Религиозный сюжет поиска Беловодья, о котором сейчас пойдет речь, продержался дольше, чем миссионерский сюжет или сюжет «христологической инициации»: не до конца XIX в., а до второй половины XX в. Но он и возник на столетие позже: не в XVII, а на излете XVIII в.

Первые данные о существовании среди старообрядцев легенды о Беловодье датируются концом XVIII — началом XIX в. Социально-утопическая идея о праведной земле на востоке страны, куда можно попасть, если знаешь сокровенный маршрут, стимулировала миграцию и освоение Сибири русским крестьянством [Чистов: 448–449; Дутчак]. Генетически легенда связана с распространенными у многих народов мира представлениями о «далекой земле» и «золотом веке», т. е.

является вариантом «утопии места» [Чистов: 11]. Е. М. Сморгунова указала на изоморфизм библейского Исхода евреев из египетского плена с целью обретения Земли Обетованной и бегства староверов из наступающего царства Антихристового в Беловодье / Китеж. «Сравнение с Библейским Исходом — существенная часть идеологии староверия и самосознания староверами своего рассеяния», — отмечает исследовательница [Сморгунова: 209]. Структурно-семантические параметры легенды определяются основными концептами профессиональной миграции: «исход — дорога — обретение» [Дутчак: 86]. Известно, что во второй половине XVIII в. Беловодье локализовалось в Бухтарминской и Уймонской долинах на Алтае [Чистов: 307–308]. После официального вхождения общины «каменщиков» в состав России «закончилась история реального Беловодья и началось ее мифическое продолжение» [Дутчак: 87], «утопия места» переместилась дальше на восток.

В русскую литературу легенда о Беловодье проникает в конце XIX в. [Чистов: 327, прим. 99]. Эмблематичной темой сибирского текста Беловодье стало в трудах областников Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Активизация легенды в старообрядческой среде приходилась на кризисные моменты истории, «стимулировавшие обращение старообрядцев к привычным эсхатологическим и утопическим мотивам» [Савоскул: 211]. Аналогичная тенденция прослеживается и в литературе. Первая мощная волна интереса к Беловодью наблюдается в литературе первой трети XX в. [Папкова]. Во второй половине XX в. в произведениях писателей-традиционалистов Беловодье является одной из базовых мифологем. Однако теперь на первый план выходит эсхатологическая идея гибели «земного рая» [Ковтун, 2017: 84–95, 263–280, 539–569]. В литературе рубежа XX–XXI веков беловодский миф ослабляет связь с локусом Сибири, превращаясь в концепт: «воплощение русского мира, вобравший святыни прошлого, малую родину, деревню и город, саму национальную историю со времен Грозного и вплоть до конца XX столетия» [Ковтун, 2015: 189]. В последнее время Беловодье стало достоянием псевдоэзотерических спекуляций, массовой и сетевой литературы, медиапроектов, туристическим брендом.

В романе алтайского писателя В. Н. Токмакова «Запретная книга Белого Бурхана» (Барнаул, 2017) найденная заповедная страна оборачивается симулякром утопии. После разрушения «Бурханостана» возникает проект нового Беловодья «с кулаками», что, конечно, далеко от идеала старообрядцев [Богумил: 96–98].

В житнетворчестве областников (середина XIX в.) актуальным оказался *сюжет о блудном сыне*, реализующийся как возвращение интеллигента после обучения в столице на родину. Сознательно выстраиваемая биография влияла на литературно-критические взгляды сибирских писателей, типологию героев и сюжетные модели текстов областников [Анисимов: 175]. Характеризуя идиллический хронотоп, М. М. Бахтин писал: «В областническом романе иногда появляется герой, отрывающийся от локальной целостности, уходящий в город и либо погибающий, либо возвращающийся как блудный сын в родную целостность» [Бахтин: 379]. А. П. Казаркин настаивает на обязательности этого сюжета: «возвращение блудного сына — *лейтмотив* (курсив мой. — Т. Б.) областной эпопеи» [Казаркин: 114]. Актуализация этого «вечного», «архетипического» мотива мировой литературы каждый раз связана с изменениями его структурных компонентов [Шатин, 1996: 40]. В частности, для сибирской литературы данный сюжет стал востребованным в тот исторический момент, когда зародилось региональное самосознание, возникло представление о Сибири как «своем» пространстве, в которое следует вернуться. Тем самым продуктивная фаза сюжета о блудном сыне синхронизирована с зарождением и дальнейшим существованием собственно сибирской литературы [Закаблукова; Костылева].

В середине XX века в творчестве сибирских «деревенщиков» и поэтов-шестидесятников зафиксирован очередной «всплеск» регионального самосознания, что закономерно вылилось в обращение к сюжету о блудном сыне. На этот раз он предстал как мотив возвращения из города в деревню. К примеру, в ностальгическом рассказе А. П. Соболева «Тополиный снег» (1978) иллюзии, сманившие юношу с родных мест в малые и большие города, со временем рассеялись, а «отчий край», «родимые места» стали «землей обетованной»

[Соболев 2012: 21], куда и возвращается рассказчик. Сначала временно — на лечение в Белокуруху, потом мысленно — в процессе написания произведения, наконец, посмертно — А. П. Соболев похоронен в с. Смоленском под г. Бийском.

Известно, насколько важной была идея возвращения на Алтай для В. М. Шукшина. Между тем писатель отдавал себе отчет, что уход из родных мест был необходим для его становления и самореализации. Так, в автобиографическом цикле В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) отношение рассказчика к городу радикально меняется от первого к последнему рассказу. К финалу город становится для повзрослевшего подростка тем, чем он был для его родителей — пространством открывающихся возможностей. Задается иной вектор пути, чем в первом рассказе: не из деревни в город и обратно, а из деревни в город и дальше, в иные города и страны.

Необходимость ухода, мотивированность его не просто произволом, но человеческим естеством тонко обозначена в стихотворении современного алтайского поэта Л. Мерзликина «Блудный сын»:

«Блудным сыном древнего сказанья,
Жертвою скитаний и дорог
Я пришел к тебе на покаянье,
Позабытый всеми уголок.

И стою, как будто бы нездешний,
До кровинки здешний человек...
Улетели птицы из скворечни.
Скоро ночь. А ночью будут снег»².

Архетипический образ блудного сына, с которым сопоставлен лирический субъект, возвышает частную ситуацию до общечеловеческого уровня. Между тем канонический сюжет претерпевает определенные изменения. Сакральная фигура Отца / Бога замещена пространством малой родины. Заключительное двустипение, как и зачин, привносит в уникальную ситуацию повторяемость, которая мотивируется по-новому — не культурой, но природосообразностью. Люди уходят из родного «уголка», подобно птицам, улетающим из скворечников, но птицы возвращаются, и люди — тоже. Таков

закон природы и закон социума. Ночь и снег, сохраняя референтность с действительностью, одновременно прочитываются как метафоры конца. Благодаря тому, что это элементы суточного и годового природного циклов, трагичность неминуемого для каждого человека финала снижается, возникает надежда на преодоление своего предела.

Подводя итог неизбежно избирательному обзору базовых для сибирского текста библейских сюжетов, следует отметить, что ими, конечно, обращение авторов к Библии не ограничивается. К примеру, в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» (2015) в орбиту сибирского текста вовлекаются менее частотные для него мотивы. Помимо очевидной отсылки к Иакову, родоначальнику колен Израилевых, в эпизоде лечения героя, больного экземой — «проказой», активизируется сюжет об Иове. Тем самым возможно расширение спектра библейских образов, мотивов и сюжетов, входящих в сибирский текст русской литературы.

Примечания

- ¹ Был ли реальный Ермак разбойником — дискуссионный вопрос. Обзор имеющихся точек зрения на эту проблему см.: [Анисимов: 60–66]. Формирование легендарной биографии обусловлено пространством Сибири: «...периферийность культурного ландшафта Сибири оказывалась родственной социальной маргинальности Ермака как героя» [Анисимов: 68].
- ² Мерзликин Л. С. Избранное: стихотворения и поэма. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1997. С. 200.

Список литературы

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. — 304 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
3. Богданова А. А. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800–1900 гг.): учеб.-библиогр. справ. для преподавателей, студ., работников печати, краеведов / сост. А. А. Богданова; под ред. В. А. Цыбенко; Новосиб. гос. пед. ин-т. — Новосибирск: [б. и.], 1970. — 53 с.
4. Богумил Т. А. Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. — 2018. — № 3 (34). — С. 89–102.

5. Габдуллина В. И. Мотив смерти — воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского // Сюжетология и сюжетография. — 2015. — № 2. — С. 101–108.
6. Дулова Н. В. Сибирь как испытание души (А. Коцебу, Н. С. Лесков) // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / науч. ред. И. И. Плеханова. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2004 [Электронный ресурс]. — URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (08.07.2020).
7. Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. — 2006. — № 1 (5). — С. 81–94.
8. Закаблукова Т. Н. Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре / под ред. Т. Г. Черняева, Н. В. Халина. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. — Вып. 3. — С. 12–17.
9. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 5–11 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (08.07.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370
10. Инок Парфений (Агеев). Автобиография высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. — Иркутск: Электро-типография т-ва «М. П. Окунев и Ко», 1913. — 52 с.
11. Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания / Б. Ф. Егоров, Н. В. Моравский, В. М. Кулемзин и др.; сост., науч. ред. и авт. вступ. ст. А. П. Казаркин. — Томск: Сибирика, 2003. — С. 97–119.
12. Ковтун Н. В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. — М.: Флинта: Наука, 2015. — С. 153–189.
13. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. — М.: Флинта: Наука, 2017. — 600 с.
14. Костылева И. А. Концепция личности В. М. Шукшина в романе-биографии А. Варламова «Шукшин» // Вестник Костромского гос. ун-та. — 2019. — Т. 25. — № 2. — С. 171–175.
15. Лесков Н. С. На краю света // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. — М.: ГИХЛ, 1957. — Т. 5. — С. 451–517.
16. Литературная мифология Алтая: коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил, Н. И. Завгородняя. — Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2019. — 178 с.
17. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. — СПб.: Искусство-СПб, 1997. — С. 712–729.

18. Мельникова С. В. Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 67–76 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457952183.pdf (08.07.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.341
19. Папкина Е. А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. — 2011. — № 3. — С. 133–140.
20. Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. — Новосибирск: Наука, 2002. — 390 с.
21. Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / науч. ред. И. И. Плеханова. — Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2004 [Электронный ресурс]. — URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (08.07.2020).
22. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 224 с.
23. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 512 с.
24. Сморгунова Е. М. Библейский Исход и рассеяние русских староверов: некоторые изоморфные черты // От бытия к Исходу: отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народных культурах. — М.: ГЕОС, 1998. — Вып. 2. — С. 208–219.
25. Спиридонова Г. С. Проблемы типологии сюжетов в литературе Сибири XIX века : дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.01. — Красноярск, 2000. — 176 с.
26. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27–35.
27. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 539 с.
28. Чмыхало Б. А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. — 2001. — Вып. 2. — Т. 1. — С. 107–116.
29. Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие) / под. ред. Е. К. Ромодановской, В. И. Тюпы. — Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. — С. 29–41.
30. Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 2. — С. 11–15.

Tatiana A. Bogumil

*Altai State Pedagogical University
(Barnaul, Russian Federation)*

tbogumil@mail.ru

Biblical Plots in the Siberian Text

Abstract. The article describes and systematizes biblical plots characteristic of the Siberian text in Russian culture. The colonization of Siberia was accompanied by the Christianization of its autochthons. The influence of the church on the formation of the local literary tradition was very strong. The regional specifics of Siberia (nature, history, ethnoses) influenced the selection of biblical motifs and plots in the works about this space. The comparative approach made it possible to identify and chronologically organize the following biblical themes paradigmatic for the Siberian text: apostolic / missionary. Christological initiation, exodus, the prodigal son. Biblical stories related to Siberia were inverted over time, and religious semantics were supplanted by other topics. The single core that allows to amalgamate these plots and motives is the idea of transformation (of oneself, another person, space). Hypothetically, each plot has its own period of maximum productivity, followed by a recession. The missionary plot and the plot of Christological initiation were revised in the 17th century and remained productive until the end of the 19th century. The narrative of the search for Belovodye, isomorphic to the exodus of Jews from Egypt, arose at the end of the 18th century. It was active until the end of the 20th century. The motive of the prodigal son was relevant in the middle of the 19th century in the work of the regionalists and, later, their heirs. Globalization and informatization processes and the blurring of spatial and cultural boundaries gradually make this plot irrelevant. It is possible to expand the “canonical” spectrum of biblical images, motifs, and plots for the Siberian text by engaging new material.

Keywords: motif, apostolic plot, initiation, Belovodye, exodus from Egypt, prodigal son

About the author: *Bogumil Tatiana A.* — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical University (ul. Molodezhnaya 55, Barnaul, 656031, Russian Federation)

Received: June 15, 2020

Date of publication: October 30, 2020

For citation: Bogumil T. A. Biblical Plots in the Siberian Text. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 331–347. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8742 (In Russ.)

References

1. Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Literature of Siberia of the 19th — Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. In: *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M. M. Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)
3. Bogdanova A. A. *Sibirskaya tema v periodicheskoy pechati, al'manakhakh i sbornikakh XIX veka (1800–1900 gg.)* [The Siberian Theme in Periodicals, Almanacs and Collections of the 19th Century (1800–1900)]. Novosibirsk, 1970, 53 p. (In Russ.)
4. Bogumil T. A. Belovodye: A Legend, Mythologem, Brand. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2018, no. 3 (34), pp. 89–102. (In Russ.)
5. Gabdullina V. I. The Motif of Death — Resurrection in the Text of F. M. Dostoevsky. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2015, no. 2, pp. 101–108. (In Russ.)
6. Dulova N. V. Siberia as a Test of the Soul (A. Kotsebue, N. S. Leskov). In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from the Outside and the Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2004. Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (accessed on July 8, 2020). (In Russ.)
7. Dutchak E. E. The Way to Belovodye (to the Question of Modern Possibilities and Prospects of Studying Confessional Migration). In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2006, no. 1 (5), pp. 81–94. (In Russ.)
8. Zakablukova T. N. The Motif of the “Prodigal Son” in the Epic Novel by G. D. Grebenshchikov “The Churaevs”. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai Text in the Russian Culture]. Barnaul, Altai State University Publ., issue 3, pp. 12–17. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on July 8, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.)
10. Inok Parfeniy (Ageev). *Avtobiografiya vysokopreosvyashchennogo Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo* [Autobiography of His Eminence Archbishop Veniamin of Irkutsk and Nerchinsk]. Irkutsk, Elektro-tipografiya tovarishchestva “M. P. Okunev i Ko” Publ., 1913. 52 p. (In Russ.)

11. Kazarkin A. P. Prose of Siberia in the 20th Century. In: *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury. Opyt samoopisaniya* [Siberia in the Context of World Culture. Experience of Self-Description]. Tomsk, Sibirika Publ., 2003, pp. 97–119. (In Russ.)
12. Kovtun N. V. “Belovodsky Metatext” in Modern Russian Prose (to the Problem). In: *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI vekov* [The Siberian Identity in the Mirror of the Literary Text: Tropes, Toposes, Genre Forms in the 19th–21st Centuries]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015, pp. 153–189. (In Russ.)
13. Kovtun N. V. *Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genesis, mifopoetika, konteksty* [Russian Traditionalist Prose of the XX–XXI Centuries: Genesis, Mythopoetics, Contexts]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 600 p. (In Russ.)
14. Kostyleva I. A. The Concept of Personality of Vasily Shukshin in the Biography Novel by Aleksey Varlamov “Shukshin”. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no. 2, pp. 171–175. (In Russ.)
15. Leskov N. S. At the World’s End. In: *Leskov N. S. Sobranie sochineniy: v 11 tomakh* [Leskov N. S. Collected Works: in 11 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957, vol. 5, pp. 451–517. (In Russ.)
16. *Literaturnaya mifologiya Altaya* [Literary Mythology of Altai]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2019. 178 p. (In Russ.)
17. Lotman Yu. M. Narrative Space of Russian Novel of the 19th Century. In: *Lotman Yu. M. O russkoy literature* [Lotman Yu. M. On Russian Literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1997, pp. 712–729. (In Russ.)
18. Mel'nikova S. V. Memoirs of the Siberian Orthodox Clergy of the 19th Century and the Regional Siberian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 67–76. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457952183.pdf (accessed on July 8, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.341 (In Russ.)
19. Papkova E. A. “Belovodye” by Mikhail Plotnikov: Russian Literature of the First Third of the 20th Century in Search of a Peasant Paradise. In: *Sibirskie ogni* [The Siberian Lights], 2011, no. 3, pp. 133–140. (In Russ.)
20. Romodanovskaya E. K. *Sibir' i literatura. XVII vek* [Siberia and Literature. The 17th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 390 p. (In Russ.)
21. Rybal'chenko T. L. Mythologemes of the Image of Siberia in the Russian Prose of the Second Half of the 20th Century. In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from the Outside and the Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2004. Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (accessed on July 8, 2020). (In Russ.)

22. Silant'ev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Researches of Plots]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009. 224 p. (In Russ.)
23. Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
24. Smorgunova E. M. Biblical Exodus and the Scattering of Russian Old Believers: Some Isomorphic Features. In: *Ot bytiya k Iskhodu: otrazhenie bibleyskikh syuzhetov v slavyanskoy i evreyskoy narodnykh kul'turakh* [From the Genesis to the Exodus: Reflection of Biblical Plots in Slavic and Jewish Folk Cultures]. Moscow, GEOS Publ., 1998, issue 2, pp. 208–219. (In Russ.)
25. Spiridonova G. S. *Problemy tipologii syuzhetov v literature Sibiri XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Problems of the Typology of Plots in the Literature of Siberia in the 19th Century. PhD. philol. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2000. 176 p. (In Russ.)
26. Tyupa V. I. The Mythologeme of Siberia: On the Issue of the “Siberian Text” of Russian Literature. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2002, no. 1, pp. 27–35. (In Russ.)
27. Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 539 p. (In Russ.)
28. Chmykhalo B. A. Art Space in the Siberian Annals of the 17th Century. In: *Nauchnyy ezhegodnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Scientific Yearbook of Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2001, issue 2, vol. 1, pp. 107–116. (In Russ.)
29. Shatin Yu. V. Archetypal Motifs and Their Transformation in New Russian Literature. In: *«Vechnye» syuzhety russkoy literatury («bludnyy syn» i drugie)* [“Eternal” Plots of Russian Literature (“The Prodigal Son” and Others)]. Novosibirsk, Institute of Philology SB RAS Publ., 1996, pp. 29–41. (In Russ.)
30. Shatin Yu. V. Nekhludov's Journey to Siberia. The Problem of Initiation. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2016, no. 2, pp. 11–15. (In Russ.)